

18+

Битва за Землю. Дипломатический шторм

Защита плацдарма

Урс Кузнецов

Урс Кузнецов

**Битва за Землю. Дипломатический
шторм. Защита плацдарма**

«Издательские решения»

Кузнецов У.

Битва за Землю. Дипломатический шторм. Защита плацдарма /
У. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500334-8

Крах надежд на академию на перекрёстке дороги жизни сироты интерната Матвея Квачкова привёл его в курсанты училища компаньонов. А участие в защите поселения от боевых групп позволило открыть такие способности в себе, которые обеспечили ему взлёт среди сильных мира планеты Земля. Император и курсант взаимодействуют для спасения Земли, вначале от изоляции в галактической Коалиции, а затем... ведь неисповедима Истина и для самых могущественных духом людей...

ISBN 978-5-00-500334-8

© Кузнецов У.
© Издательские решения

Содержание

Битва за Землю	6
Защита плацдарма «Русский Дом»	6
Книга первая трилогии Битва за землю. Дипломатический шторм в галактике	7
Предыстория	8
Начало	10
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Битва за Землю. Дипломатический шторм Защита плацдарма

Урс Кузнецов

© Урс Кузнецов, 2020

ISBN 978-5-0050-0334-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Битва за Землю

Памяти людей чести, которые, идя на смерть осознанно, спасали других.

Много их, имя им – миллионы, но пусть имена хотя бы некоторых мы вспомним,

ведь и последние из приведённых здесь спасли миллионы жизней:

Матвей Кузьмич Шапошников, Константин Петров, Владислав Духин, Андрей Вейко, Андрей Туркин, Александр Перов, Олег Ильин, Дмитрий Разумовский, Роман Катасонов, Михаил Кузнецов, Вячеслав Маляров, Олег Лоськов, Денис Пудовкин, Олег Якут,

а спасили миллионы жизней при чернобыльской катастрофе — академик Валерий Алексеевич Легасов и инженеры: Алексей Ананенко, Валерий Беспалов, Борис Баранов.

Действующие лица романа и названия государственных органов, мафий, чиновников, географических объектов вымышлены, автор не несёт никакой ответственности за любые случайные совпадения.

Все приводимые в книге исторические, астрономические, научные и технические данные взяты из открытых источников, если не вымышлены.

Ради достоверности я иногда использовал в романе настоящие титулы и звания,

но относиться к ним нужно так же, как вы отнеслись бы в художественном произведении

к моей должности президента США или короля Великобритании. Характеры, которые я создал для исполнения этих обязанностей, не имеют ни малейшей аналогии с реальными государственными лицами.

Если же я ошибся и кто-то обнаружит какие-то случайные общие черты,

то приношу свои извинения.

Точно так же, несмотря на поверхностное сходство,

у меня не было намерения создать портреты нынешних государств,

президентов и министров.

Защита плацдарма «Русский Дом»

Книга первая трилогии Битва за землю. Дипломатический шторм в галактике

*Единственный инструмент эволюции – это смерть.
Единственное его поле применения – жизнь.
Мерой удачи человека служит процветающая семья,
а мерой неудачи народа – его вымирание и смерть культуры этого
народа.*

Предыстория

Вначале один врач получил наручный артефакт – высшего класса персональный искусственный интеллект, произведённый цивилизацией из другой звёздной системы, и помог товарищам, которые стали в последующем его компаньонами, объединившись вокруг дел и идеологии врача. Компаньоны создали команду, просто чтобы выжить. Врач был необычный и не стал обычным эгоистом-пользователем переданного ему с описанием артефакта, а тратил все свои силы на овладение скрытыми возможностями артефакта и шёл по воссоздаваемому мышлением следу первоначального владельца – пришельца со звёзд, ведя за собой объединившихся вокруг него. Команда создавала вехи своего пути – цивилизационные плацдармы вокруг учреждаемых ими школ-интернатов и кооперативов компаньонов. В итоге команда создала столицу на Луне для своей уникальной для Земли цивилизации, освоив подчинившуюся Лунную базу пришельцев из глубины галактики, их план имел целью не просто выживание народа, а начало его пути в космос.

Лунная база стала за столетие плацдармом фундаментальной науки для народа, она обеспечивала народу условия для работы на Земле и в астероидном поле Солнечной системы и получила название Порт-Рус. Но главная задача Лунной базы была в сохранении связи с объединёнными цивилизациями глубин галактики. Население Земли находилось в непреодолимом для правительств планеты культурологическом колодце, и только тоненькая линия надежды, созданная командой первого достойного избранного из человечества, пробила маленький лаз в нравственной стене тупика для развития земной цивилизации. В культурную столицу воссозданного народа, выросшую из Лунной базы пришельцев из центра галактики, периодически приходили инструкции от лидера и команды, отправившихся в центр галактики для спасения того, что осталось от родины пришельца со звёзд – Империи Ариев.

Отбор из народа тех, кого поднимут из гравитационного колодца Земли, осуществлялся жёстко следуя прозрачным общеизвестным правилам основателя Русского дома, и только преодолев компетенционный ценз отбора, можно было попасть с Земли для обучения в Порт-Рус. А с Порт-Руса пройти в команду, работающую в Солнечной системе, или пойти для переселения на восстанавливаемую после стерилизации гамма-излучением из погибающей звезды столичную планету Империи Ариев.

Люди на Земле вместо завещанной дружбы и сотрудничества между нациями всё ещё делились по расам, а между ними поддерживалось разделение по племенной принадлежности. Отдавшись своему этноэгоизму, управляющие государственными культурологическими инструментами оперировали страхом и отвращением к иным культурам, а ещё памятью кровавой истории, завистью к плодам труда цивилизации иных планетарных государств.

Даже то, что через исчисленное время рукава Персея, Ориона и Лебедя Млечного Пути попадут в галактический гравитационный шторм, который приведёт к безусловной гибели Солнечной системы, на правителей людей особо не влиял, не побуждал их сконцентрироваться для работы и выйти из культурологической ямы отсталых технологий образования и промышленности, а наоборот – зависть к народу команды цементировала стены кровавой геополитики планеты. Это было сутью всей политики микроскопически малой социальной группы планеты, которая собрала в своих руках нити власти и противостояния Русскому дому компаньонов, не свернула с упрочнённого в XIX веке пути, привычно осуществляла мировые войны и геноцид независимого народа для своего существования.

Что же придётся делать компаньонам, основавшим Русский дом? Они изначально создали институты контроля и отбора достойных для преодоления культурологической ямы планеты. А лидеры компаньонов, достигшие потерявшей население планеты в центре галактики, держали инфоканал культурного взаимодействия с другими городами Лунной базы,

кроме Порт-Руса, которые работали для Земли, и продолжали работы по восстановлению инфраструктуры и биологической сферы Арии, начав заселение, пока по локальным, биологически восстановленным ареалам, отобранными из народа поселенцами. Эта восстанавливаемая планета ариев была ключевым звеном землян для ведения взаимодействия с цивилизациями центра галактики, объединёнными в Коалицию.

Эта единственная возможность войти на равных в галактическое сообщество многого стоила и возникла только потому, что первые поселенцы с Земли прибыли на яхте легитимного начального управленца – императора ариев, избранного до катастрофы, а лидер компаньонов получил регалии императора через строгое технологическое подтверждение права на эти регалии всеми оставшимися системами контроля Империи Ариев, а в последующем, по прибытии – и во входящих в неё звёздных системах. Коалиция признала лидера компаньонов императором ариев как прошедшего проверку по всем требуемым качествам для этого поста, с согласия на это со стороны четырёх благоустроенных звёздных систем, входящих в империю, выраженное их правительствами, после срочно проведённого референдума империи. А поселенцы с Земли были готовы платить цену размещения на стерильной после облучения планете своим трудом, возрождавшем жизнь планеты ариев – коммуникационного центра всех планетарных систем империи, и располагали императорским кодом к резерву империи, вскрытому лидером компаньонов на удалённой мёртвой планете.

Так новый император ариев из народа далёкой планеты периферии рукава Ориона галактики был принят в Совет координации Коалиции по праву представления цивилизации ариев.

Теперь будущее Земли висело на тонкой ниточке, образованной командой компаньонов, связывающей Землю с Империей Ариев, входящей в Коалицию звёздных систем центра галактики. И к этой ниточке были направлены ножницы возможного решения Совета Коалиции о не преодолении ценза «культура» по морали периферийной планетой.

Начало

Матвей, старательно выпрямившись, сидел в приёмной директора интерната, рассматривая на стенных голопанелях картины с учредителем и попечителями школы. Он никогда не видел вживую основателей школы, которая дала ему всё для жизни, начиная с материального обеспечения и кончая получением образования, востребованного компаньонами, которое было выше на уровень всего, что было у любого из государств Земли, а также гарантировало выбор любой работы у кооператоров по его доказанным способностям, в хозяйственном секторе организации компаньонов, но он мечтал об университете на Лунной базе. Хотя и полная неожиданностей работа в астероидном поле Солнечной системы была огромным соблазном в его восемнадцать лет.

Но вот тяжёлые деревянные двери открылись, с солидным стуком ударившись об ограничитель на стене, и Матвей Квачков, выдохнув, встал, поправил тонкими нервными пальцами несуществующие складки тёмно-синего пиджака школьной формы, прежде чем шагнуть через порог. Форма неловко сидела на костлявой фигуре стройного юноши, а каблуки из кожзаменителя его дешёвых ботинок стуком по великолепному паркету из настоящего дерева отмечали каждый шаг к роскошному деревянному столу директора.

Высокие окна далеко не маленького кабинета директора были приоткрыты, впуская аромат первой зелени разгара весны с крон деревьев, обрамляющих здание интерната. На двух стенных панелях светились информационные видео, полные голограмм про успех выпускников и с яркими моментами из жизни школы. Паркет сверкал масляным блеском ухоженной древесины. Стол директора величественно огораживал место с его креслом и возвышался с тонким, прозрачным информационным голодисплеем и монументальными изделиями канцелярского антиквариата из малахита и оникса с золотой отделкой.

Матвей встал, вытянувшись перед столом, едва сдерживаясь, чтобы не начать первым разговор с волнующего его вопроса. Юноша не производил спортивного впечатления, не мог похвастаться и здоровым румянцем, как все выпускники этого сезона. Аккуратная стрижка густых золотистых волос подтверждала, что он прошёл первую метаморфозу, а худоба лица только подчёркивала лаконичность линий лица, как будто вырезанного талантливым скульптором из драгоценного бледного камня. Нескладность была более свойственна переходному возрасту периода взросления, чем титулу чемпиона по результатам базовых экзаменов, успешно прошедшего и программу физической культуры, введенную Советом нации в качестве обязательной программы для интернатских воспитанников. Внимательный взгляд отметил бы только внутреннюю силу, которую не могли скрыть прикрытие веки, всё равно оставлявшие полоску глаз, не уступавших по твёрдости стали, в его взгляде в случае его направленности на вас. Но сейчас он смотрел вниз, на квадрат бархата поверхности стола, а не в глаза директора.

Директор оторвал взгляд от голо и излишне тепло улыбнулся:

– А, Матвей! Очень рад тебя видеть.

– Здравствуйте! Вы вызвали меня, так как пришёл ответ по результатам заочного экзамена в Университет при Академии Лунной базы?

Директор быстро опустил голову, при этом улыбка оставалась на лице уже как надетое украшение, а припухшая, полная рука нервно погладила две видимые складки загривка.

– Ты прав, Матвей. – Директор не смотрел в глаза выпускнику, его губы безвольно приоткрылись. – Но я вынужден тебя огорчить.

Матвей сделал шаг вперёд и, упёршись обеими руками в бархат огромного стола, из-за чего лицо директора сразу же приняло недовольное выражение, спросил:

– Какое место у меня в Национальном рейтинге выпускников?

– Пятое по нации, Матвей. – Директор хотел что-то ещё сказать. – Матвей...

– Пятое! – Матвей выпрямился, радость осветила его лицо, преображённое этим известием.

– Матвей!

– Пятое! Я знал, что смогу. Я честно полностью выложился в усвоении программ...

– Матвей!!!

Матвей, непроизвольно восторженно делавший кату для ручного импульсника, резко остановился и обернулся к директору. Потом встал в стойку.

– Да, директор.

Директор, согнувшийся в кресле, виновато смотрел на Матвея.

– Твоё прошение о зачислении в университет академии отклонено.

Матвей вздрогнул. Начал произносить и застрял на одном слове:

– Они...

Директор приподнял плечи своей распушенной обжорством мелкой фигуры, виновато недоумевая:

– Я только что общался с председателем приёмной комиссии в самой академии. Результаты экзаменов у меня были уже вчера вечером. Утром я звонил председателю академии. Никогда такого не было... И вот.

Матвей преобразился, от радостного возбуждения подростка ничего не осталось. Сейчас перед директором стоял – директору непонятно почему пришло сравнение из старины – вибрирующий клинок.

– Не приняли? Не прошёл? – Он стиснул кулаки – это было единственное, что внешне выдало его напряжение. – Это потому, что я сирота? Вы отказываете в дальнейшем продолжении пансиона на учёбу? Недостаточно моего социального капитала для этого после такого результата?

– Матвей, ты не должен...

– Директор, вы знаете, что мои показатели аристократизма не застыли, как у других, а сохраняют динамику, я уже внёс зафиксированный протоколом вклад в культурную матрицу Прикамья...

– Матвей, я уверен, что мы найдём для тебя...

– Господин директор, ведь это вы сами мне говорили, что компаньоны вскрыли бесконечный потенциал для каждого жителя планеты, но любой потенциал – конечный или бесконечный – отнюдь не то же самое, что опыт личности.

Матвей умолк, а затем продолжил:

– Команда желает опытных в мышлении о существенном для результата в преобразовании цивилизации планеты. Через интернат и последующую практику по специальности они предоставляют каждому возможность перерабатывать потенциал знания в этот опыт. Мой наставник объяснял это на примере игры из усваиваемых книг дисциплин. Играть куда более интересно, чем просто заучивать правила. Ещё он обрисовывал для меня ситуацию таким примером: человек, у которого есть все деньги всех банков государства, но которому не позволено потратить ни копейки из них.

Юноша тяжело дышал, но затем справился с собой:

– Учитель математической философии поучал, что ограничением бесконечно возможного ты получаешь, конечно, реальное. Таким способом бесконечное сознание переходит от бесплодного потенциала к подлинному творению – чтобы сделать что-то помимо имеющегося бытия существования. Он начинает действовать и воплощать свои идеи... Свои фантазии. Он начинает тратить свой банковский капитал в цивилизационные преобразования социэкономике.

Матвей, взяв себя в руки и взнуздав эмоции гнева, совершенно хладнокровно продолжил:

– Олег Исаакович, я факультативно специализируюсь на новейшей истории планетарной социологии. Тенденция последних двух лет – это сокращение лиц из находящихся на попечении компаньонов в десятке получающих национальный грант в академию, при этом работы интернатских учащихся по исследованию и потенциалу продвижения в наследстве технологий ариев уже уверенно превосходят тезаурус наследия – это по относительному удельному весу из всей выборки со всеми остальными проходящими в академию. Господин Косенко, констатирую, что в выстраиваемой системе я фактор сбоя системы. Думаю, что не ошибусь, проверив по итогам зачисления, что среди занявших места в списке и прошедших метаморфозу людей моего уровня не будет, но все они окажутся родственниками известных фамилий управленцев РФ или регионов Земли.

– Матвей, прошу тебя, успокойся! – Директор школы-интерната Фонда компаньонов Косенко отвёл глаза. – Я уверен, что тебе всегда найдётся место в Кооперативе компаньонов с такими блестящими способностями...

Матвей спокойно достал из внутреннего кармана пиджака широкую наградную пластину с тут же развернувшейся голо золотого глифа – приз к грамоте победителя в обучении. Несколько мгновений рассматривал её, затем приподнял перед собой, чтобы глиф играл всеми красками цветов заключённой в нём информации в лучах солнца, и небрежным движением сломал, звон металла ещё раздавался в кабинете, когда две половинки были брошены на стол директора.

– Вы ни в чём не виноваты. Вы не препятствовали моему обучению и запросу на индивидуальную метаморфозу по достижении установленных нормативов по тестам, хотя и в нарушение сроков и процедуры, ведь я прошёл её не в «солнечной долине», а в этом интернате. Видимо, меня отличает от обучаемых не только изменившийся цвет волос и глаз, но и нулевой личный счёт.

– Позволь, я узнаю и проверю, в любом случае помогу твоему наилучшему устройству. Ведь я знаю всю иерархию и порядок прохождения по отбору, – встрял тут же Косенко.

– Вы же понимаете, что получив уровень, я владею всей этой информацией. К тому же анализ помог мне сравнить возможности безнадзорного сироты и отпрысков родителей, занимающих ключевые посты в администрациях и корпорациях Земли, особенно когда те честолюбивы и не отлынивают от обучения. Пробриться сквозь эти ряды трудно, а я смог! И вы это знаете!

Директор уныло, мрачно посмотрел на Матвея:

– Знание – очень опасная сила, юноша. Это не про математическое мировоззрение многомерности и стратегии принятия решений в многокомпонентных системах с имеющимися неизвестными факторами, в чём вам нет равных, юноша, а про твои успехи в социологии, политологии, истории России и последующей Руси Дома русских...

– Что дало мне не только кругозор, но и знание всех технологий политики и проблем социумов, – спокойно парировал Матвей.

– Я бы хотел надеяться, что ты не будешь строить свои планы с включением в них фактора мести. Это разрушит твою жизнь. Строй гуманистическую программу, хотя бы ради нашего интерната.

– Хорошо, учитель. Преподавая историю, вы хорошо показали, что невежество и сильные чувства – это путь неудачника и глупца. А полученное пятое планетарное место реально меня из этой социальной группы исключило.

– Это так. Что ты намерен делать?

– Я ещё не определился. Ведь только сейчас я узнал о сломе всех моих планов.

Матвей задумался.

– Мне остаётся только вступить в Команду компаньонов, начну с новичков. Насколько я знаю, они ценят тех, кто достиг результатов.

Лицо директора покраснело. В его глазах что-то мелькнуло. Директор заметил удивление наблюдательного выпускника. Он тут же принял официально доброжелательный вид и потерявшим всю доброжелательность голосом произнёс:

– Надеюсь, ты шутишь? Это не для тебя – силовые операции. Твой ум – и вояки? Среди этих хладнокровных практиков ты загубишь достигнутое.

– Но у них высшие достижения по уровням и твёрдые нравственные принципы.

– Нравственные принципы? Что ты понимаешь в их организации, мальчишка? Я содрогаюсь при одной мысли о них.

«Я, кажется, вскрыл что-то тайное и опасное, что скрывают от меня», – отметил Матвей Квачков.

Директор замер, наблюдая, как Матвей тихо закрывает двери, ещё секунду, как замороженный, сидел выпрямившись, а затем, как будто весь воздух вышел из него, склонился, ослабив до этого опёршиеся на свой роскошный стол локти.

– Ты всё слышала. Какие выводы сделала?

Стена слева от кресла директора отъехала в сторону. Скрытый за ней наблюдательный пост, довольно просторный для одного человека, был полностью оборудован биосканерами для наблюдения за посетителями.

– Его знания и потенциал при отсутствии психологического опыта их применения – всё равно что старые книги на полках в нашей библиотеке: они есть, но не действуют. Не дай Бог компаньоны обнаружат, как он на самом деле сдал экзамены. Тогда нас ничто не спасёт.

Косенко побарабанил пальцами по столу.

– Мы успешно его отстранили от взлёта в карьере, использовав собственную капсулу медицинского центра для метаморфозы, и хорошо, что этот фельдшер-алкоголик всем обязан мне. Он превзошёл четвёртый уровень, фактически у него сейчас полный пятый высших профессионалов планеты, но теперь это не вскрыется до следующей метаморфозы, а за это время все данные из оперативного архива сотрутся в обычном порядке при диспансеризации остальных воспитанников интерната. Что мы упустили с тобой, Изольда?

– Ну, нам пока не о чем беспокоиться. Если он пойдёт к компаньонам, то у них строгий порядок прохождения службы. Начнёт с новика. А мы будем следить за ним. Конфликты в мелких квазигосударствах, окружающих территорию политико-экономических юрисдикций – Русь, нарастают, и он неминуемо будет после учебки участвовать в их умиротворении.

– Да уж...

Косенко передёрнуло.

– Ты представляешь, кто к ним вольётся в команду? С Лунной базы поступила новая модель интеллектуальной экипировки для офицеров компаньонов.

– Наша оппозиция Совету русского народа может разорваться на мелкие кусочки, если он случайно окажется в планетарной группировке компаньонов!

– Вызывай координатора Кудрина. Предложим ему потянуть за ниточки и по-быстрому, после штатной подготовки, Матвея перенаправить в контингент силовиков Лунной базы, тем самым зафиксировав его в пассиве.

Изольда подумала: «Скоро зайки сменят шубки, а птички полетят на юг. Интересно, я зайка или птичка? И не придётся ли мне на север без шубки...»

Олег, лидер информационного сектора тяжёлого боевого транспорта Империи Ариев, замер и несколько раз напряг пальцы, чтобы вернуть себе рабочее спокойствие, три раза глубоко вздохнул. Он устал, находясь седьмой час на дежурстве в патруле на границе у сектора планеты системы – Сецелии, подавшей заявку на вступление в империю, но не имеющей сил

космической обороны. Тысячелетия без масштабных войн в Коалиции. Максимум – провокации и мелкие пакости, которые тоже старались проводить тогда, когда огласка была исключена. Это и привело сейчас развивающуюся Сецелию после вливания ресурсов и заказов от империи к статусу «лакомый кусочек». Олег поморщился и избавился от мыслей, не относившихся к их ситуации противостояния группировке. Ему надо было вернуть ясность мысли в конце напряжённого дежурства и разобраться с обработкой данных по непонятному мельтешению трёх флотов Балеса из средних транспортов прорыва, наблюдаемых за границей сектора зоны ответственности их мощной посуды. Он перевёл данные в трёхмерную структуру и стал изучать динамику их эволюций за время его вахты. Ещё раз прошёлся по перемещениям флотов и их крейсеров, выделяя при этом спецификации транспортов. Тревога наполняла сердце и мешала сделать вывод, требуемый его должностью – будет ли бессмысленная провокация в форме прорыва в систему через официально обозначенный содружеством граничный периметр этой звёздной системы к планете или это агрессивный шантаж для получения скидки на поставки с Сецелии товаров для Балеса. Заметив на краю сканирования скоростной малый транспорт с идентификатором Арциса, идущий в их сектор на субсветовой скорости от Сецелии, он принял решение. Вывел на голо последние данные с намеченной красной линией по допустимости продвижения крейсеров военного флота Балеса для внутренней передачи сектору операционного поля действия, а по старинке – ТВД. Лидер сектора ТВД Матвей подтвердил получение. Олег как будто сбросил непомерный груз со своих плеч. Он расправил плечи и теперь мог позволить себе, нарушая предписанный режим, встать с кресла, чтобы пройтись вдоль боковой стенки помещения командной рубки – видят все боги силы, ему это надо. Пусть беспокойство грызёт своими невидимыми зубками мозги Матвея, а он, сохраняя ментальный канал с оборудованием, что позволял его пятый уровень, мог через ритм шагов у светлой стендовой панели рубки сбросить остатки напряжения.

«И я надеялся чуток внимания получить от Лилии? – Олег невесело улыбнулся. – Своими руками подвёл к боевой тревоге, и Лилия, согласно боевому порядку, займёт своё место в медицинском блоке транспорта!»

Тихая работа систем транспорта, напоминающая тихое мурчание расслабленного, отдыхающего кота, привычно успокаивала Олега.

Матвей проанализировал данные. Наблюдая за флотом Балеса, объявил предбоевую готовность своему сектору и, действуя по уставу, вызвал капитана в командную рубку.

Олег мягким, как бы непрерывным движением метнулся вдоль стены и занял кресло, подключившись к межсистемному передатчику для передачи точных координат их транспорта и объёмных данных по трём флотам Балеса в одной группе. Как только последние данные были отправлены и уже проходило подтверждение их получения из центра базы на Сецелии, в рубку вошёл капитан.

Денис Андреевич Пудовкин, маленький человек с крупными руками, уже два года капитан тяжёлого транспорта номер 091, на данный случай ожидаемого приграничного конфликта при объявлении боевой тревоги должен был открыть закрытый файл в И-кластере транспорта совместно с лидером сектора ТВД, личными кодами, имеющимися у каждого из них на такой случай в фазе предбоевой готовности. Корабль сверкал видимыми только в местах их касания его обшивки защитными полями, работа реакторов была неощутима, но их индикаторы показывали оптимальную рабочую мощность. Три излучателя гравитационных импульсов были нацелены на армаду из трёх стандартных флотов Балеса, а каждый из этих грави-монстров арсенала 091-го захватывал по флоту для уничтожения. У Дениса Андреевича не было сомнений в исходе битвы, коли таковой быть, с противостоящим объединённым флотом, но гравитационный прорыв метрики пространства, несомненно, будет плохим вкладом в физическую экологию ближайших систем. Флоты Балеса, вооружённые лазерным, плазменным и атомным

оружием с ракетами доставки, были в данном случае всё-таки подобны вёсельным лодкам с огнестрельным оружием у гребцов, напавших на подводный атомный крейсер.

Командор ударной группировки демократии Балеса Адгон Мус скривился и несколько раз ударил кулаком по пилону управления, как будто это могло изменить ситуацию. Он кивнул капитану флагмана на место того в боевой рубке, этим жестом молча передав командование, и покинул её. Шагал под раздражающе мигающим красным светом ламп боевой готовности коридора палубы управления, слегка пригнувшись, сцепив руки за спиной, чувствуя облегчение, что спихнул на некоторое время ответственность на другого. Не столько усталость, сколько давящая мрачность никогда не подводящей интуиции действовала на опустившиеся плечи командора. Стук парадных сапог эхом разносился по коридору, вилявшему между блоков гудящих накопителей реакторов, издающих попискивания сброса после получения максимума зарядки батарей, задействованных под готовность плазменных орудий. Бледно-зелёные стенные панели коридора отражали всполохи красного света, добавляя силы острым зубьям беспокойства, вонзившегося во внутренности командора.

«А где же маленькая пауза для трубки, которую я надеялся спокойно выкурить? – Адгон раздражённо рыкнул и сдержал себя от того, чтобы выругаться вслух. – Кого я пытаюсь обмануть?»

– Ну-ка, посмотри правде в глаза, – бессильно прошептал он.

Звуки безотказно работавших на максимуме своих возможностей систем крейсера вроде бы внушали уверенность. Командор и команды всех единиц флота из кожи вон лезли, чтобы подготовить флот к акции и быть в этом положительно отмеченными присутствующим куратором, советником по безопасности главы Парламента Балеса. Теперь на каждом крейсере был активирован имеющийся полный комплект для боя и похода в режиме боя и только выжидал его команды. Батареи арсенала сбрасывали излишки постоянно генерируемой энергии, а реакторы без остановки её вырабатывали в усиленном режиме. Адгон был абсолютно уверен, что каждая команда каждой единицы флота приведена к возможной наивысшей эффективности.

«Ожидание хуже всего, особенно перед лицом единственного, хотя и тяжёлого транспорта Империи Ариев». Адгон вздохнул в недоумении. Советник отдал распоряжение полностью, по всей форме, точно заверенное непосредственным командованием флота и ещё начальником всех штабов, о месте randevu, о встрече и защите скоростной яхты, предназначенной для безопасности Балеса. Любой ценой. «Нет ничего хуже, чем прикрывать тёмные дела служб безопасности Балеса! Обязательно будешь вымаран в грязи, стоит только случиться утечке в инфополе Коалиции созвездий».

– На нашу территорию он не пойдёт! Это объявление войны. – Казалось, что сами по себе его сухие губы тихо, шёпотом успокоили его же. – Где эта дерьмовая яхта? – Адгон прошептал проклятия просрочившему все сроки агенту. Как бы услышав командора, из рубки выдвинутого и зафиксированного у самого определяемого края астрономического граничного периметра звёздной системы, относящейся к Балесу, флагмана сообщили, что скоростная яхта пересекла границу и принята на борт крейсера.

Адгон остановился перед люком запасного командного центра, куда он уже практически дошёл, вскипев внутренне от злости на агента, наверняка и без сомнений привёзшего лично для него кучу проблем для гарантированной качественной головной боли, развернулся и пошёл к причальной палубе, благо она была рядом, только на уровень ниже спуститься.

Непробиваемо официальный вид и чёткий шаг – так он вошёл в тусклый красный свет ангара, в котором уже стояла роскошная скоростная яхта. Перед яхтой в пульсации крас-

ного света, поглощаемого тёмным изящным стройным силуэтом, неподвижно стояла одинокая фигурка девушки у аппарели яхты.

Адгон направился к ней, утомлённо обдумывая и вяло удивляясь виду агента, из-за которого объединили и прислали три лучших флота на границу Балеса. Сумеет ли отреагировать тяжёлый транспорт империи огнём по флагману на прорыв скоростной яхты без соблюдения формальностей протокола? Что за важные сведения, доставленные агентессей для советника безопасности? Неужели эта информация стоила демонстрации группы из трёх флотов и будет ли это доведено до Коалиции дипломатически или прорвётся потоками грязи из клоаки жёлтой информации?

Адгон несколько озадаченно поднял руку и потёр лоб. Собственная кожа из-за долгого режима работы рук в коконе высшей защиты командорского кресла при контроле приграничного района с Империей Ариев показалась резиновой. Девушка не обращала на него внимания, её руки вальяжно покоились на поясе комбинезона, роскошные тёмного золота волосы, собранные в хвост, водопадом ниспадали за плечи, а ткань комбинезона свободно облегла стройное, роскошное тело. Затем она подняла левую руку в небрежном жесте приветствия, увидев его приближение.

Адгон, застывший было в недоумении, сделал шаг. Великие силы, что за красавица! Должно быть, шум от этого шага заставил девушку поднять глаза в его сторону. Его учатившееся дыхание сделалось слишком громким – девушка выпрямилась, сверкнув глазами. Какие глаза! Огромные, золотисто-зелёные, они заполнили всё скульптурно рельефное лицо, и Адгон перестал замечать что-либо, кроме этих глаз.

Девушка, изучающе посмотрев на него, единым плавным движением вытянула руки от пояса к нему и ладонями символически обозначила стену между ними.

– Нет!

Адгон шагнул к ней, думая, как всё объяснить. Он не их тех флотских, кто презирает шпионов. Ну, эксклюзивно таких, исключительно прекрасных.

Девушка загадочно улыбнулась, взглянула на него.

– Дежурный офицер?

– Я командор этой группы. Этот крейсер – мой флагман.

Адгон хотел сделать ещё шаг, почувствовав, что ещё глубже погружается в зелёную глубину этих чарующих золотистых глаз. Он застыл, онемев от восхищения, и только судорожный вдох показал, что и дышать он забыл. Командор, оживший в нём вместе со вздохом, попытался анализировать. Что пронзило его, как молнией? Восхищение? Облегающий тело тёмно-синий, почти чёрный при этом освещении комбинезон не скрывал ничего из чудесных форм изящного тела. Нежная кожа, доступная взору, лучилась молодостью на лице. Адгон осознал остатками трезвости своего ума, что он совершенно ошеломлённо и большими глупыми глазами рассматривает доставленную скоростной яхтой агентессу, когда, наверное, тяжёлый транспорт империи предпринимает ответные шаги на побег яхты. Командор, собравшись, заставил себя сосредоточиться на обязанностях, но его жадный мимолётный взгляд на лице девушки выхватил, какая печаль и сочувствие обращены на него. Эта печаль озадачила Адгона, у него в сердце возникло тянущее предчувствие надвигающейся беды.

– Ради всего благородного, почему вы молчите?

По лицу девушки промелькнула одновременно задорная и боевая улыбка.

– Я лучше не скажу вам об этом. Ради вас, раз вы командор группы.

– Да. Я командор. Это крейсер боевой группы. Режим боевого похода соблюдается строжайше. От меня не может быть секретов.

Незнакомка вела себя изысканно, аристократично спокойно, но командор не мог не отметить, что она непонятно веселилась, её изящные пальчики скользнули в маленькую ёмкость поясной сумки и извлекли карточку с голографическим символом.

– Я прилетела к офицеру службы безопасности демократии.

Адгону не надо было изучать всем известный символ над пластинкой службы безопасности демократии, чтобы видеть сверкающий цветовой знак наивысшего статуса в демократии. Когда Адгон всё же взял её в руки и поднёс к перстню сканера, в голограмме герба государства возникшие строки подтвердили статус в службе, подчинённость только главе безопасности и отчётность только перед главой безопасности Балеса. Если судить по этим данным, незнакомка была выше по статусу ожидавшегося её советника и тем более самого Адгона. Душа Адгона застыла куском льда.

Девушка довольно улыбнулась и забрала пластинку из рук командора, почему-то не с административным превосходством, а как-то по человечески, с сочувствием посмотрев на него.

– Теперь я выполнила всё. Как вы понимаете, таких сканеров в демократии вряд ли более пяти и вряд ли, кроме этого, хотя бы один вне столичного охраняемого офиса. Я должна действовать. Мне уже пора... покинуть это место.

«Мне нужно вызвать сопровождение из десантно-штурмового отделения и офицера службы безопасности и отослать её к советнику».

Но Адгон, наслаждаясь окутывавшим его тонким ароматом духов девушки, не отдал команды, а вместо этого схватился за перила ограждения приёмной платформы вокруг яхты, приводя свои чувства в норму.

– Вы понимаете, что прорыв через границу в ордер нашей группы – провокация для ответной боевой акции от пограничного патруля империи?

– Знаю.

«Её взгляд сожалеющий, но голос – с ноткой... презрения? Почему?»

– Безусловно, вы знаете о сложившейся в результате вашего появления ситуации и обо всех нарушениях правил пересечения границы!

Сердце командора таяло и в то же время пело от присутствия рядом этой девушки.

– Не будем усугублять ситуацию. Раз вы командор, этого более чем достаточно. Вы передадите это, – девушка достала из поясного отделения ещё две пластины, одна из которых пылала красным символом одноразового вскрытия, – заместителю по безопасности главы демократии Балеса. На второй пластине код для доступа к одноразово вскрываемому посланию. Это спасёт вас от разбирательств всех комиссий. Я возвращаюсь к пограничному тяжёлому линкору империи для компенсации штрафных начислений за несанкционированный прорыв периметра звёздной свободной цивилизации Коалиции и продолжу выполнение своего задания в империи.

Адгон ощутил тяжёлый нарастающий ритм своего сердцебиения. Он страдал от расставания, не сомневаясь, что у такого уровня агента хватит средств на погашение десятка таких нарушений и штрафных санкций за них. С тоской и страстью в голосе он всё-таки сказал ей:

– Так требует закон Коалиции. Но здесь вы будете в полной безопасности, я имею на руках приказ оказывать вам *любое* содействие. Мы в состоянии защитить вашу яхту, наша группа из трёх флотов против хоть и тяжёлого, но одного дестройера. Их дестройер не сможет ни нарушить закон Коалиции о границах, ни выступить против нашей силы и возможностей трёхсот единиц наших объединённых флотов. Это самые современные корабли демократии, воплотившие всю смертоносность науки Балеса. Мощность одного плазменного оружия флота несопоставима с тем, что может быть из ракет – лазерных, плазменных и даже трёх, а более не вместить, туннельных орудий в объёме тяжёлого транспорта. Тем более ему нечего противопоставить одному против трёхсот транспортов, объединённых системами наведения в ударную мощь.

Адгон едва не заключил агента на два уровня выше него по статусу в свои объятия, когда её неповторимые по форме разреза глаза внимательно посмотрели прямо в его расширившиеся

зрачки. Циничный, прошедший не одно тайное сражение офицер трепетал перед этой девушкой, как мальчишка. Невероятно, но его переполняло желание обнять, схватить незнакомку на руки, уединиться в своей роскошной каюте и...

– Командир тяжёлого дестройера империи всё это учёл, командор!

«Невероятно, она говорит это спокойно и безоговорочно отрицает возможность группы трёх флотов?»

– Профессионал должен правильно рассчитать силы. Конечно, это сделал и капитан межсистемного дестройера империи. Как я понимаю, хотя вам и известна специфика сверхтяжёлого транспорта, вами обозначенного, исходя из аналогов флота Балеса, как линкор, но вы ничего не знаете о его возможностях, ведь секреты учёных и инженеров империи не удалось ещё узнать никому!

В левом нижнем углу глаза замигал символ срочного сообщения от капитана флагмана, заместителя командора группы флотов. Адгон тут же ознакомился с содержанием, из которого ошарашенно узнал, что каждая боевая единица каждого флота его группы взята на прицел противостоящим тяжёлым линкором.

«Как это возможно?»

Агент грациозно протянула руку, её тонкие пальчики коснулись плеча Адгона, и он вздрогнул, как будто через него прошёл удар тока из этих изящных пальчиков.

– Мне пора. Я срочно вылетаю. Дайте команду предоставить мне коридор к их дестройеру. В переговоры не вступайте.

Адгон принуждённо выпрямился и неестественно рассмеялся.

– Они сами нарываюся на уничтожение. Они глупы и непрофессиональные.

Агент преобразилась в смертельно опасного хищника с родной планеты Адгона – хладнокровно спокойного, смертельного, грациозного, неуловимого, которого удалось охотникам впервые поймать только при цивилизации эры электричества. Она, направляясь к яхте, сказала:

– Командор, выполняйте моё указание! Я желаю вам сохранить свою жизнь.

– Моя госпожа, что я могу для вас сделать? – не выдержал Адгон, смирившись и склонившись перед этой удивительной женщиной.

– Просто выполните моё указание. – Её зелёные глаза с золотистыми лучиками смотрели в самую сердцевину души Адгона. – Меня тронуло ваше отношение. Мой совет – отступайте сразу, как только я покину причал, не вступайте в бой. Так вы спасётесь.

– Что может один дестройер, даже тяжёлый и с максимально возможным вооружением, против такой силы, как наша группа? Империя ещё слишком слаба и только политически восстановила социум – жалко, что, перекрыв гуманитарную помощь, и обязательства перед нашей демократией этой системы. Да, они хороши в труде, но что может император, непонятно как подтвердивший свой статус, пришедший из диких окраин галактики, против великой цивилизации Балеса в играх дипломатии в Совете Коалиции?

– Командор, я знаю, что, если вы останетесь в живых, вы вспомните эти свои слова.

Адгон через интерфейс нейросети отдал команду капитану флагмана и остался на причале, смотря в след удаляющейся яхте, пока она не превратилась в яркую точку одной из звёзд, окружающих россыпью огоньков видимого космоса открытый портал причала.

«Почему она сказала предъявить протокол этой встречи экспертам комиссии при разбирательстве комиссией?»

Адгон ещё долго смотрел на светящиеся пятнышки флотов, выстроенных в ордер охвата находившегося за абстрактной границей тяжёлого транспорта империи, и думал, что агент скрыла гораздо больше, чем ему сказала, и то, что агент скрыла, вызывало абсолютную уверенность в необходимости прислушаться к её словам. Хотя командор и так сохранил бы протокол встречи лично для себя. Развернувшись, он послал сообщение советнику главы безопасности, что идёт к нему, и не спеша направился ко входу в коридор к офицерской жилой палубе.

Адгон сообщил о прибытии и прошёл через открывшийся портал в роскошный люкс наблюдателя от правительства демократии. Такие люксы были на каждом флагмане флота, и его сейчас занимал Мий. Туше советника главы безопасности нужна была бы платформа антиграва для перемещений, настолько тот разелся, утруждая себя на службе демократии.

– Это пластины с секретной информацией и кодом доступа к информации, которую передала агент для главы безопасности демократии.

– Агент – мужчина, командор! – вытаращив выпуклые глаза, придушенно просипел Мий.

– Вы идиот, командор! Это был не наш агент. Агент должен был доставить информацию политического характера. Вы на сегодня обладаете самым мощным флотом, когда-либо сосредоточенным в одних руках за последние сто лет демократии, и упустили чужого агента.

Адгон, усмехнувшись, чётко, выделяя каждое слово и смотря в глаза высшего официала более высокого статуса, но из другого ведомства, отчеканил:

– Да, наш флот очень мощный. Но каждая единица захвачена в прицел. А это триста единиц с суммарной силовой защитой, исключаяющей взятие на прямое уничтожение даже одной единицы флота в режиме боевой готовности, в котором уже час находится наш флот. Вы можете дать информацию военного значения об этой разработке империи для обеспечения нашей безопасности сейчас? – Увидев промелькнувшее понимание на лице побледневшего советника, Адгон вбил в того последнюю фразу: – Я не знаю, как они это сделали, но всему флоту будет нанесён неприемлемый ущерб!

– Вы сказали, что и наш флагман ведётся лучом для поражения? – всё-таки спросил Мий.

– Да.

– Вы обязаны сохранить флот для демократии. Одно то, что это осуществлено... – Советник понял, что есть запись нарушения границы их яхтой. – Принимайте решение, раз вы командор группы.

Адгон, внутренне усмехнувшись, понял, что агент спасла его группу и его лично не только физически, но и на должности, так как он и эту встречу записал в протокол.

Командор тут же передал приказ по флоту на возвращение к последней станции дислокации сбора группы.

Командор вздохнул. Какое чудесное видение его посетило! Он был уверен, что больше никогда не встретится с этим агентом, во всяком случае в коридорах служебных кругов Балеса.

Матвей ещё раз, уже сбившись со счёта, в который раз, взглянул на красотку, занимавшую место секретаря. На ней служебный комбез принадлежности к военному сектору компаньонов, полагающийся по службе, провокационно и великолепно подчёркивал все выдающиеся особенности фигурки подтянутой, крепкой секретарши и, чего скрывать, притягивал взор неопытного юноши к большим грудям.

Девушка потеряла интерес к Матвею после пяти минут наблюдения за новичком в форме и отметкой курсанта на рукаве. Она даже не поняла, чем тот её заинтересовал. Разве что необыкновенной силой, излучаемой глазами?

Юноша сидел на ближайшем к двери металлическом стуле с поцарапанным пластмассовыми сиденьем и спинкой из ряда вдоль стены напротив секретаря. Как во всех присутственных местах компаньонов, здесь был свободный доступ к сети, как и во всех их социальных институтах Русского дома, и Матвей подключился к базе данных Института культуры Русского дома, сектор – наука, углубившись в преобразования из теоремы динамической стерео геометрии – теория изменения применяемой мерности при навигации межзвёздных транспортов. Он, как всегда, полностью погрузился в тему задачи, поэтому звонкий голос секретаря раздался для него неожиданно:

– Вольноопределяющийся Квачков! – Её весёлый со смешинкой голос и доброй искрой смешинки взгляд пронзили Матвея. Он зафиксировал полученный результат в приложении и выпрямился на стуле.

– Что?

– Приёмное время закончилось! А компаньон, ответственный по региону, занят и принять вас уже вряд ли сможет.

Матвей посмотрел на сочувственно обратившуюся к нему русоволосую девушку, её чётко прорисованная формой большая грудь, выраженная талия были необыкновенно волнующими для юноши, ещё сохранившего своё целомудрие. Затем, вздохнув, он встал и подошёл к её столу.

– При медосмотре добровольцев в рекруты с планеты сегодня у меня подтверждён пятый уровень оперирования горизонтом событий, но при этом квалификационно я только выпускник интерната. Комиссия пошла мне навстречу и разрешила сделать выбор между компаньонами, хозяйствованием в Кооперативе и наукой, хотя у меня и контракт на службу во внутренних силах. Мне очень надо получить совет от настоящего компаньона!

Матвей замер, высказав свою просьбу. Он впервые был растерян, понимая, что сейчас момент истины, развилка в его жизни. Выбор с ограниченными, недостаточными данными для принятия решения.

Сочувствие на красивом лице сменилось некоторой растерянностью, секретарь ещё не сталкивалась с вольноопределяющимся новичком пятого уровня возможностей.

– Я даже не знаю, у компаньона, как всегда, загруженность запредельная, но дело не в этом, идёт совещание по межзвёздному каналу для всего дома!

Матвей замер. Дело даже не в том, что это было невообразимо затратное действие, а в том, что это объединение всех лидеров компаньонов от пятого уровня компетенции до главы дома в единую сеть подразумевало исключительно насущную важность обсуждаемой задачи для всего народа. Прошло несколько более ста лет с тех пор, как русский народ стал снова нацией – то есть тем социумом, который обладает политической реальностью, воплощённой компаньонами в общественном институте политического уровня, субъектностью самой по себе для РФ и планеты. Логика репрезентации особенностей культуры компаньонов, противоборствуя с логикой тождества все русскости любого этноса через пропаганду, проводимую властью как абсолют до этого, победила. Событие такого же калибра только и могло послужить причиной такого масштаба конференции, как и востребованности каждого из элиты для принятия решения и мобилизации нации. Он быстро переключился на информационный канал дома и выделил сообщение о противостоянии в системе Сецелии с демократией Балеса, собравшей три флота в группу на границе против тяжёлого транспорта функционального класса дестройер Империи Ариев, который подчинялся главе Русского дома. И только глава дома мог дать санкцию на такую межзвёздную конференцию. Потом Матвей изучил протокол Коалиции, в котором представители звёздных рас дали оценку инциденту и порицали Балес за препятствование биоформатированию центрального мира ариев для жизни землян и восстановлению того после катастрофы, что значимо для всей системы цивилизации ариев, включающей центральные звёздные системы галактики в рукаве Щита, а таких было пять. Матвей был достаточно компетентен в социологии больших организованных общественных групп, чтобы сразу сделать вывод о последствиях конфликта, прикрытого дипломатической вуалью. Его уровень позволял выстроить мейнстрим интереса Балеса от Земли до Коалиции.

Пока он обдумывал информацию, открылась дверь кабинета ответственного за регион компаньона. Седой, стройный, с изрезанным морщинами лицом, в тёмно-синей форме чиновников силового блока Русского дома, мужчина стоял на пороге.

– Светлана, я выезжаю на встречу с кандидатом в председатели Совета, сменяющим Лермонтова. В файлах моего пакета распорядка на сегодня обработай все данные по ресурсам

и активам нашего сектора, отдельно по компаньонам и социумам, комплиментарным русскому народу в регионе, начни с адыгов.

– У меня к вам вопрос! – сделал шаг к компаньону Матвей.

Секретарь, грациозно склонив голову, выразительно посмотрела на компаньона.

Компаньон ответным движением – кивком головы – успокоил секретаря и перевёл взор на Матвея.

– В чём проблема, вольноопределяющийся? – Затем, оценив смущение парня, добавил: – Ладно, зайди!

Войдя вслед за старшим офицером-компаньоном в кабинет, обставленный строго функционально, подождав, пока хозяин кабинета устроится в рабочем кресле, Матвей занял место в кресле напротив по разрешающему жесту компаньона.

– Меня зовут Матвей Квачков. Мне надо принять решение по службе, так как час назад комиссия отбора определила у меня полное освоение пятого уровня возможностей по социально-экономике и политической социологии, а квалификация моя – выпускник интерната. И ещё я понял, что у Русского дома как минимум холодная война с демократией Балеса.

– Да, ситуация весьма мутная. Впрочем, теперь с вашим прошлым я разберусь, а вам надо забыть это прошлое. Займись своим будущим!

Анализ баз данных Матвея Квачкова у ответственного за регион не занял и минуты. Компаньон задумался. Потом, вздохнув, поднял глаза и, смотря как будто в сердце Матвея, сказал:

– Сейчас формируется литерная команда, в будущем из неё возьмут оперативников для системы ариев. Это самая полнофункциональная возможность для тебя, чтобы получить высшую подготовку и потом определиться с дальнейшим своим путём в жизни. Но и риск здесь будет на порядок выше, чем в стандартных предложениях, даже в силовом блоке Земли или Луны в нашей системе компаньонов.

Матвей понял, что его взвесили, просветили и оценили с полной ответственностью и по-доброму. Хотя другого от компаньона в сформировавшейся русской культуре ожидать было трудно. Матвей впервые вживую общался с ветераном компаньонов, которых он видел только издали при ревизии тем деятельности интерната. Матвей задержал дыхание и потом выдал, хоть и запинаясь, но без задержек:

– Компаньон, я понимаю, что отправляюсь на войну за будущее и получить весь арсенал возможностей очень важно. Теоретически изучив социэкономiku, я понимаю свой выбор. Я понял, что моё понимание – это работа незрелого ума в уровнях сущностного с опорой на внимание и освоенный опыт внимания к сущностному бытию, подаренный интернатом компаньонов, натренированный на проявленном помысленном мыслителями команды, а не отгадки под напёрстками подтасованных маленьких правд социальных манипуляторов – мозгоделов не сущностного, предоставляемого для окружения наших общин из демократии Балеса... что ложь есть.

Седой ветеран сдержал себя, ничем не показав даже намёка на весёлость от терминологии, используемой волнующимся парнем, старавшимся выглядеть максимально убедительно, только вздохом отметил юношеский максимализм и понимающе, внимательно осмотрел лицо Матвея, как будто читая на нём вывешенный вопрос по прогнозу его жизни. Потом его взгляд прошёл сквозь Матвея и через мгновение опять вернулся к контакту с собеседником:

– Я вызвал свой челнок. Бот, правда, пойдёт через Ставрополь, там есть дело на несколько часов для моего помощника, но потом доставит тебя на Лунную базу, где уже завтра ты вступишь к практическому погружению в подготовку.

Пауза была короткой, но достаточной, чтобы Матвей осознал изменение своего социального статуса и как бы в подтверждение своих мыслей услышал.

– Приветствую тебя в братстве компаньонов!

Март Игон выпустил плотный, клубящийся при отдалении от рта на диаметр пальца дым новой модной страсти из Империи Ариев для обеспеченной публики Балеса, которую называли табак. Он сделал вдох, одновременно наблюдая, как разгорается огонёк на конце палочки, противоположном рту. Март только хотел поудобнее устроиться в своём кресле, как его ординарец, выполнявший роль и секретаря, сообщил, что к нему просятся четыре посетителя с торгового транспорта из Сецелии. Милостиво, разрешающе кивнув тому, он поудобнее устроился за столом в насквозь казённом кабинете. Тут же в распахнутую ординарцем дверь вошли четверо, причём худенькая брюнетка в старом комбеше техника с лоснящимися краями рукавов и штанин держалась за троицей крепких мужчин в таких же затасканных, но ещё крепких комбезах офицерского уровня.

Март решил показать им недоступный им шик и одновременно намекнуть на некоторые обстоятельства, ведь одна палочка табака стоила столько же, сколько жалованье ординарца за месяц в демократии Балеса, и ещё не каждый мог достать эту эксклюзивную забаву богатых. Март был прожжённым дельцом, хотя и занимал пост главы службы контроля пустотной орбитальной станции Балес. Ему одновременно подчинялась и планетарная её часть. Его интуиция насторожилась, а безошибочный нюх учуял сделку. Из всего разнообразия изученных Игоном торговцев он научился определять тех, кто и торговал по местным законам, и мгновенно нарушал их при малейшей возможности для своей выгоды. Именно такие ему и попали под обработку.

Март разрешающе указал на потрёпанные стулья, стоявшие в кабинете, и сложил свои руки на значительном, округло выступающем животе. Затем Март вальжным движением опустил в специальное блюдо палочку табака и посмотрел на самого административно весомого, по его оценке, из вошедших. Он знал, что ординарец уже включил наблюдение за посетителями со своего наблюдательного поста и приготовил парализатор на всякий случай, согласно вбитым в него условиям приёма для любых посетителей.

– С прибытием в причальные доки главной пустотной станции демократии Балеса! Я глава контроля порта Март Игон. Какие у вас проблемы?

На стул перед Мартом сел только один мужчина – тот, который был самым крупным и в комбинезоне самого приличного вида, во всяком случае не залоснившимся и без потёртостей, как у остальных. Остальные встали дугой, охватив своего предводителя стоячим почтением.

«Варвары», – усмехнулся про себя Март. Все эти торговцы из Сецелии выглядели матёрыми, потасканными завсегдатаями баров и борделей для его станции. Его подчинённые предпочитали с такими не связываться, а дождавшись, когда те сами доведут себя до изнеможения в барах, под прицелом парализаторов принимались изымать штрафы в его пользу, ну и немного в кассу станции.

– Благодарствуем, что вы приняли нас, начальник, – хриплым, даже, если точнее, осевшим голосом начал сидевший напротив. – Я капитан межсистемного торгового каботажника Мих Лиа. Наш сецелийский транспорт только что встал на обслуживание на причальный уровень номер 3/97 вашего порта. Ну и партнёры по торговле нам подсказали, что быстрее оформить транзакции, оплату, грузы и загрузку можно именно с вашей помощью. Мы очень хотели бы всё ускорить, так как нас поджигает время.

– А, на вас произвёл впечатление флот в закрытой для гражданских парковочной зоне станции?

Игон демонстративно потянулся к палочке табака, поправил её двумя толстыми пальцами в блюдо и опять скрестил руки на животе.

– Ну, я мог бы выделить своего ординарца, чтобы он прошёл с вами к транспорту и там присутствовал с вашим замом по торговле, пока тот будет осуществлять все торговые операции и своим глиипом от службы контроля блокировать задерживающие... прецеденты. Но вы же понимаете, отвлечение моего служащего, когда так напряжённо с трафиком у причалов станции, стоит денег, а это определённый процент потери из вашей прибыли?

– Мы готовы пойти на эти расходы. Для нас время – всё!

Игон довольно ухмыльнулся в глаза голосу группы.

– Не хочу от вас скрывать: флот военных уже возвращается с границы. Это были просто учения, и отсюда они отправятся каждый на свою базу. Ресурсы они сбрасывают по бросовым ценам. Ну нагнали немного страха на политиков! Возможно, цены и подскочат на межсистемные товары из-за пугливости торгашей, так что вы перекроете свои затраты, это точно.

Март получал удовольствие от своей значимости – не только палочка табака, которую явно не купить никому из этих жалких просителей, но и информация, которая есть у него и недоступна всяким жалким просителям, вынужденным к нему обращаться.

Мих Лиа, соглашаясь, сказал:

– Бизнес – такое дело, всё зависит от каждый день меняющейся ситуации. Не знаешь, чем обернётся время или встреча – то ли всё потеряешь, то ли выиграешь куш.

Март активировал свой прямой доступ к И-кластеру порта и стал быстро проверять данные по каботажнику.

– О! Вы уже оплатили стоянку, но есть ещё сервис, топливные стержни, которые вы заказали сверх нормы...

Мих расстегнул набедренный носитель и достал из него гибкий пластиковый пенал. Положил его перед Мартом и открыл.

– Как вы видите, здесь семь золотых монет Империи Ариев. Они перекрывают стоимость отвлечения вашего служащего, время вашего особого внимания, благосклонного к нам, и даже пени и налоговые сборы, коли такие образуются, которые мы, безусловно оплатим, но в обычном порядке, как только вы выставите счета нам.

Игон смахнул пенал, посчитал, что уделил слишком много внимания этим торгашам, улыбнулся им и вызвал ординарца.

– Карл, отправляйся, захватив Алекса с его людьми, на торговую палубу и оформи прибытие и покупки этих торговцев из Сецелии по нашим внутрисистемным тарифам.

Губы Марта только складывались для произнесения прощальной фразы торговцам, когда раздался звук, напомнивший далёкое детство и родную пустыню – шипящий змеиный звук, действительно шипение, и ему в лицо ударила струя газа из распылителя, оказавшегося в руке Муха, а ординарца оглушил вставший сзади него сопровождающий Муха громила.

Март ещё успел выбросить руку, закрывая лицо, но газ подействовал, и он наблюдал за безвольным падением своей руки, вдруг ставшей чужой, на стол перед ним.

Одновременно с падением ординарца на пол сопровождавшая Муха женщина оказалась у стола Марта, а ассистирующий громила, распахнув дверь, обработал парализатором охрану в приёмном помещении, сидевшую у двери в приёмную и ничего не подозревавшую. Затем быстро затащил их в помещение.

Мих, судя по взгляду сквозь присутствующих, наблюдал в интерфейсе:

– Всё спокойно. Грузовой транспорт с парковки получил команду и через минуту будет в доке. Вскрывай файлы с нужными нам грузами и отправляй их в док.

Март не мог пошевелиться, но всё видел в голо, он не смог отключить свой доступ в И-кластер станции, а теперь посетители, которых он так презирал при знакомстве, спокойно потрошили запасы станции для флота от его имени. Более того, подключили транспортные каналы станции, связав их с хранилищами для доставки заказанных грузов к своим транспортникам.

– Шеф! – обратилась странная женщина к Миху. Она пальцем указала на вскрытый пакет секретных баз данных. Тот, быстро взглянув, одобрительно, бережно хлопнул по плечу помощницу.

Март краем глаза наблюдал с ужасом, как затем два громилы стремительными движениями хищников вооружились с тел его охранников, а преобразившаяся женщина оказалась практически подростком с мальчишескими бёдрами, тонкой лебединой девичьей шеей и как бы не самой важной в группе, судя по тому что именно она выбирала группы имущества для погрузки на прибывший дополнительно к стоявшему в доке огромный каботажник, тут же начавший безостановочно заполнять своё чрево с его станции самым ценным имуществом. «Она была бы красавица, если бы я так её не боялся... почему-то!» Это были последние мысли перед тем, как Март потерял сознание.

По интелю интерната потоки сведений пели о драме в учреждении ощутимые для его директора, но невидимые для других струны тревоги. На голо Косенко подавались картины происходящего из помещений интерната, перед ним разворачивалась его личная драма. Внезапно нагрянула комиссия компаньонов, и они сразу прошли в медицинский центр, обеспеченный только штатным оборудованием, достаточно потрёпанным многими поколениями учащихся, и направились к единственной капсуле. Сравнение лечебного-диагностического кабинета имело явный контраст с любимым директорским кабинетом, который обставлял и лелеял Косенко всей своей сладостной директорской властью, а ещё более – своими служебными, но не для уставной деятельности, возможностями, которые были высокоценны, достигаемы для немногих, подвижных не преодолимой родительской страстью из-за своих непутёвых чад, не проходивших по цензу компаньонов, зафиксированному в уставе Русского дома и применяемому Олегом без этой химеры – совести. Полировка его стола, золото и малахит антиквариата своим блеском уже успокоили тревогу директора: «Фельдшер был пьян, а блоки памяти уже переформатированы... Или нет?»

Отвалившись на спинку и упав головой на грудь, уже через личный интерфейс Косенко наблюдал за помещениями интерната и беседами членов комиссии с преподавателями, и учениками. В аналитических срезах не останавливавшегося даже на мгновение глиипа он непрерывно видел анализ разворачивавшейся ситуации, транслируемой в реальном времени. В его уме в ядовитый клубок смешивались данные анализа глиипа, ужасающие предположения о вскрытии компаньонами нецелевых переводов, вывода материальных ценностей, оборудования, о возможной доступности для исследовательско-финансового усилия проверяющих данных о нём, зафиксированных в протоколах сделок. Он успокоил себя тем, что всё было на грани закона, кроме случая с Матвеем Квачковым, но и тот случай уже формально недоказуем по закону.

– Директор, к вам компаньон, – сообщила по связи Изольда.

– Компаньон? – Косенко скривился, выпрямился, ещё раз прикоснулся к антиквариату на столе для уверенности, без надобности поправил малахит письменного прибора параллельно линии стола, поёрзал в своём мягком кресле, в зеркале отметил выправку, чтобы польстить вкусам этих бывших военных, и застыл, увидев сверкающие огоньки на драгоценных камнях своих перстней. Но стаскивать было поздно: дверь открывалась, пропуская попечителя интерната.

Ответственный за регион компаньон, который являлся и попечителем интерната, холодно и официально поздоровался с директором. Из всех своих обязанностей, которые ему нравились, чего уж скрывать, только одна вызывала дрожь до мозга костей у Косенко, и он её

ненавидел всем своим сердцем – это отчётность попечителю компаньонов, обеспечивавших интернат всем необходимым для учащихся и содержавших здание.

Жёсткий взгляд попечителя пронизывал, и казалось, он видел всё скрытое в уме Косенко.

– Компаньон-попечитель! – поприветствовал того сразу Косенко. – Как я рад, что вы посетили наш интернат. Надеюсь, вы довольны нашим последним выпуском, пополнившим кооператив на Земле, промышленность и науку – на Лунной базе!

– Верно, директор! – От холода Арктики в голосе попечителя для Косенко, заметно внешне отчётливо, видимо, если бы таковой был, посторонний наблюдатель – «не дай Бог!» – подумал Олег и всё-таки непроизвольно дёрнулся всем телом. – Должен вам сообщить, что все выпускники были нами проверены и вопросы возникли по одному, но по нему нет записи в блоке вашего медицинского центра, хотя по протоколу, он проходил положенную процедуру, но в неположенном месте, перед выпускными тестами. Это внештатная ситуация.

Косенко напрягся, но постарался скрыть свой страх.

– Пропали протоколы обследования? По выпускнику? Но мы не храним записи, если всё нормально и соответствует результатам экзаменов!

Сидевший напротив компаньон оставался бесстрастным и холодным, как утёс Арктики.

– Директор, мы не будем на этот раз проводить проверку вас под химией. Ваш фельдшер уже освободил место. А выпускника мы проверили и взяли на контроль, так что этот бриллиант вашей школы не пропадёт. Но вынужден вам заметить под протокол, что делать правильно по обязанности – это не равноценно тому, чтобы делать правильно обязанности.

– Но попечитель, я вас прошу...

– Это последнее замечание! Если ещё раз мы обнаружим отклонения от должного исполнения культурно-нравственных норм, зафиксированных в уставе главы Русского дома, то контракт с вами будет разорван.

– Разорвать... Нет, конечно же нет! Я обращаю внимание на недостатки, и всё будет соответствовать самым высоким требованиям институтов Команды компаньонов, – залебезил Косенко.

– Всё, что я должен был вам сказать, я сказал вам, директор! – Попечитель развернулся и вышел из кабинета.

Косенко отодвинул непослушными руками кресло, вышел из-за стола, слегка покачиваясь, затем соединился с Изольдой:

– Срочно соедини меня с Кудриным! – Потом, увидев её изумление вперемешку с неуверенностью, добавил: – Мне уже нужна та должность, которую он мне гарантировал в федерации. Тебя не забуду здесь!

Иван Кузнецов был лидером Команды компаньонов, а так же ими избранным и сохранявшим уже более ста лет свой пост главы Русского дома, и надо отметить, что это при постоянном наблюдении в текущем режиме времени пятью институтами компаньонов за эффективностью его деятельности и при сравнении по результатам с проектами других компаньонов, которые могли его заменить (пока таких и близко не было), все лучшие результаты оставались на двадцать процентов (и это в лучшем случае) ниже по эффективности от аналогичных проектов Кузнецова. Кузнецов работал в Центре управления станции, опорной для торговли и обороны, подвешенной на стационарной орбите над планетой ариев. Сейчас он был сосредоточен на функциях императора системы ариев, и ему вскоре предстоял разговор с председателем Коалиции.

Вокруг него в центре находилась в рабочей готовности приступить по первому требованию к действиям на операционных местах элита компаньонов – избранные из лучших, высо-

чайшей специализации по секторам ответственности единой команды. Они изучали последние сводки информации, поступавшие от членов Коалиции, сосредоточившись на данных из систем Балес, Сецелия, ариев, Тау Дракона и Лунной базы Земли. Беззвучная работа механизмов была бы незаметна, если бы не проявлялась в игре строк на прозрачных голоэкранах, в привлекавшей глаз смене палитры цветов диаграмм или в итоговых звуковых сигналах задействованных глиипов, отмечавших обработанные выводы накопителей аккумулирующих рабочих мест перед официальными группами лидера.

Чеканное в своём спокойствии лицо Ивана сейчас не выражало ничего. И это не потому, что он хотел отделиться или что-то скрыть от своего окружения, когда те изредка, время от времени бросали украдкой взгляды на него. Во взглядах офицеров не было ничего другого, кроме уважения и готовности к действию по приказу или при получении информации, которая дала бы возможность самостоятельно действовать в секторе своей ответственности. Инициатива будет замечена и, как всегда, отмечена на вышестоящем уровне, то есть лидером, а это для офицеров значило больше, чем весомая материальная доплата, следовавшая всегда за нештатным успехом.

Среди этой тихой рабочей атмосферы деятельности людей Иван был наедине со своими мыслями. Через интерфейс виртуального кабинета Иван оперировал с векторами сил, где-то только возникающих, а в большинстве – действующих от усилий многих людей, собранных в группы и действующих с разными целями на планете Земля, в цивилизациях центра галактики, с последующим выводом через его глиип обобщённой схемы сути процессов Коалиции и Земли. Он играл задаваемой им калибровкой то в один процент отклонений, то до десяти – в неясных случаях от вклада в целостность композиции схемы складывающихся мощностей и структур с их векторами за и против их народа, обозреваемую его командой, которая в зону ответственности, кроме Империи Ариев, включала и Землю. Видны были в выстроенной, избавленной от случайных факторов, сущностной виртуальной реальности все красные линии отклонений от установленных норм и показателей состояния в социуме, их причины и нарушения в культурологическом модусе. Иван мгновенно вывел обзор Земли с плавающим масштабированием для поиска опорных объектов перед собой через самый развитый технологически в Коалиции императорский интегратор в VR.

Ему вспомнилось самое начало освоения примитивного виртуального кабинета (VR), в виде сегментированной плоскости, потом – сферы вокруг его внимания. Это было как укрощение бешено сопротивлявшегося коня впервые севшим на него неопытным всадником. Потом Иван осознал, что дело в его собственном мозгу, в его MR* контенте – измеряемом в координатах ментальных измерителей по радиусу доступной когнитивной силы для требуемого негэнта, силой достигаемой преобразованием мозга работой над помысленным мыслителей, опираясь на помысленное мыслителей созидать продвинутый далее свой мысленный ландшафт (mr), а от него уже способность оперировать мыслью сложно выстроенной, объёмной, а потом и объём мысли переводя в динамику изменений – поток структур плана. Только когда его мозг стал обладателем такого ума, мыслящего веками и континентами, астрономическими единицами и многомерными пространствами, он смог полностью освоить подаренный ему прибор с арсеналом сил и их управление мыслью. Но без получения экипировки, изменявшей, подготавливавшей и укреплявшей для этого всё тело, это тоже было бы невозможно.

Города, столицы, леса, горы, моря, идущие по улицам люди, мирные, радующие глаз картины родной планеты: уже сто лет, как он создал Русский дом, доверившиеся ему люди жили это время без глубинной тревоги и давно забыли чувство безнадёжности перед будущей жизнью.

Политики Балеса правильно определили критическую точку в Империи Ариев, и она была, конечно, не в системе звёзд центра галактики, занимаемой империей в Коалиции. Критическая точка Арии находилась далеко, в незначительной периферийной звёздной системе

рукава Ориона галактики. Голубая планета была его домом, там он нашёл товарищей, ставших компаньонами, там он встретил девушку, которая с того времени его жена, друг и надёжный помощник, там остались компаньоны, которые не смогли преодолеть свою антипатию к бездне, космосу. На той планете он был три раза за почти сто лет. И то занимался чисто технологическими задачами контакта Земли с империей, установкой гиперсвязи на новых, открытых Бехтеревым принципах и воплощённой компаньонами практически возможностью многомерной компликации для сигнала с любым информационным пакетом.

Иван движением века убрал контент виртуального кабинета и в задумчивости потёр пальцем кожу около правого глаза. Демократия Балеса – а это были именно они, он в этом убедился – не понимая последствий того, что они затеяли для Земли, думая только о своей интриге в Коалиции и доминировании над системой Сецелия, походя разрушат ещё исторически не устоявшуюся структуру института для воссозданного Иваном сотоварищи общества. Это воздействие агентов Балеса, более всего чреватое не для интерпретации деятельности компаньонов членами Коалиции, а для будущего планеты Земля, и тревожило Ивана в целевой деятельности Балеса, в результатах их вмешательства на Земле. Они решили опять превратить структурированное компаньонами в институции общество, нацию в бесструктурный социум, годный только на биопитание для захиревшей окружающей федерации, и, безусловно, подомнут ресурс всех земных транснациональных и трансконтинентальных промышленных кластеров, завязав их на Балес. Потом попытаются это всё подать как политическую недееспособность компаньонов в Коалиции и всем предъявить в Коалиции звёздных систем галактики, что представляющий звёздную Империю Ариев император некомпетентен, что поставит вопрос о месте ариев в Совете Коалиции. «Ошибка исправляется, когда осознаётся История» – вздохнул Иван, возвращаясь к злобе дня сего, его вывод был подтверждён фактами и умозаключение строго логично – «наши враги сильны, они не ведают пощады, и им не нужен политико-экономический мир».

Был ли он счастлив? Память вернулась к истокам, разворачивала картины промозглой погоды и холода в машине скорой помощи, трясшейся по разбитым дорогам областного города Приуралья, пронизывающего одиночества, иногда согреваемого душевным теплом погибшей подруги, своей безжалостной мести окружению олигарха, походя убившему подругу... Но потом всплыло в душе лицо Лены, без остатка отдавшей себя ему в самый тяжёлый момент его испытания и в конце подарившей ему дочь. Дочь, которая взяла всё лучшее от отца и матери. «Моя жизнь. Мои достижения». Он сконцентрировался: его жизнь разделена с другими, и эти другие – не только его семья.

Жёсткая дисциплина воли, которая закалялась с самой первой метаморфозы, пройденной без искусственной комы в медицинской капсуле... и так четыре раза – сейчас твёрдо вела его по волнам полей памяти поисков, проб, испытаний, ошибок, лепя из нейронов мозга базовую архитектуру для ментальной реальности ума, самим Иваном и культивируемую. Более того, ментальная реальность (MR), выстраиваемая, а потом воспроизводимая трудом всех элементов, от нейронов мозга до его двух глиипов, mg его мозга не стала только его индивидуальным помысленным, посредством нейроконтактов управления регулирующая действительность через помощь искусственных интеллектов и носимого арсенала закреплённой операционки для воспроизведения в подсоединяемых аппаратах виртуальной реальности динамики действительности, отражающих мысль в абстракциях инфопространств, технологически воспроизведённых в системы – глиип и гисп, в модели для компаньонов с их симбионтами искусственных интеллектов экипировки, усовершенствованных научных сектором компаньонов приборов, переродившихся в укреплённые профессиональные глиипы.

Это давало возможность и для других работающих с компаньонами во фронтире знания и действия высшего технологического уровня сохранить достижения своих умов в глиип и ИИ-кластер, а личный симбионт прибора VR помогал выстроить адекватно своему таланту,

развить опору ментальной реальности нового качества, в которой только и возможно было оперирование помысленным адекватно грозным фронтам изменяющейся реальности, возможными подсоединяемыми силами и ресурсами через все инструменты арсеналов аппаратуры VR компаньонов и Русского дома. Элитами аристократизма, институционально способными к максимально богатым нейроструктурам MR для фронта с реальностью и с максимально полным оперированием всем накопленным арсеналом VR нации... были только три человека из всех компаньонов – его семья. Пока Бехтерев смог только подобрать команду математиков и философов, способных кратковременно удержать в ментальной реальности разворачивание п-многомерности объекта до девятого порядка, опираясь на эталонный образец, воспроизведённый для них кем-нибудь из его семьи, как на костыль.

То, что Зая ходит по многомерности сам для себя, выводило учёных из себя более всего. Иван не отдал котёнка (не как одного из семьи, а как личность малого масштаба, проще – дитя) на препарирование ради науки, несмотря на все уговоры нейрофизиологов от физики.

Он был уверен в жизнестойкости и эффективности оставленных на Земле и замещавших его институтов нации, созданных для народа, и обеспечивавшей координацию развития столицы, созданной на Лунной базе.

Иван, как бы внушая себе, думал: они должны справиться, хотя практически всю имеющуюся элиту он выгреб для освоения биостерильной планеты и обеспечения плацдарма в Коалиции для землян. Власть опирается на личность и делает её одинокой, ибо ответственность за принятое решение лежит только на нём – прав был Иван Грозный. Организованная им положительная социальная динамика всего народа на Земле, поддерживаемая структурой команды как институцией интеллигентного воздействия социального субъекта, должна была заменить его уровень индивидуации самости... Во всяком случае, он на это надеялся.

Команда должна работать. И время для появления ещё одного человека, преодолевающего генетическую ограниченность мозговой мощности усвоенным в образовании пределом когнитивности шестого уровня, давно настало! Не пропустят ли надежду на самую большую социальную ценность человечества его сподвижники на Земле? Он верит в своих компаньонов, это бесспорно, но и отслеживать странности надо. Иван отправил через глиип распоряжение в научный центр Лунной академии – список маркеров, при выходе на который должны быть приняты все меры к привлечению человека в команду и академию.

– Император! На связи председатель Совета Коалиции Гиляр! – доложил офицер связи.

– Приветствую вас, Гиляр! Могу я узнать, что послужило причиной для вызова? Предложение помощи в биоформатировании планеты ариев от Коалиции?

– Приветствую вас, император! Нет, ничего настолько расточительного я вам не предложу. Вряд ли Коалиция, решая задачи становления цивилизации Омега, может себе позволить заниматься чем-то, что и так уже позитивно решается.

Иван холодно, властно всматривался в лицо, почти человеческое, изображённое в голо напротив.

– Мне нужно сказать лишь несколько слов перед сессией Коалиции. – Ивану было видно, что Гиляр колеблется и ему неприятно будет сказать то, что он должен сказать. – Вы нанесли удар, которого никто не ожидал, хотя и не нарушили ни одного пункта ни одного закона Коалиции. Но демократия Балеса потребовала разбирательства и поставила под вопрос правомочность вхождения в Империю Ариев системы Сецелии.

– Разве абсолютный императив уже отброшен Коалицией? – улыбнулся Иван, помня, что его улыбка – плохой тон в дипломатических безэмоциональных обычаях Коалиции, принял невозмутимо спокойный вид и продолжил: – Мы будем на сессии Коалиции и будем открыты любому вопросу и готовы дать ответ по любому нашему действию ради вклада в объединённую галактическую цивилизацию.

На этом Гирил вежливо прервал межзвёздный контакт, а предупреждённому лидеру Земли и Империи Ариев надо было подготовиться по всем вопросам предстоявшего контакта. Если сам вызов был и рутиной, то не между первыми лицами звёздных социумов. Постановка вопросов была тоже на грани порицания деятельности государства и предупреждения о том, что против их меж звёздной системы готовится серьёзный удар. Иван понимал, что поведение Гирила – странное для дипломатии и землянина и выпадает из процедуры протокольной Коалиции. Но если принять социальные и гуманитарные императивы звёздного сообщества, то это можно интерпретировать только как порядочность и муки совести хорошего и порядочного аристократа, практически – «иду на вы».

И это надо хорошо обдумать.

Зуммер интерфейса вырвал командора флота Адгона Муса из сладкого сновидения. Открыв слипающиеся глаза, командующий увидел налившуюся ядовито-красным цветом фигуру символа экстренности над голо связи. Прокляв всё и всех, решил опять прикрыть сонные глаза и через интерфейс ознакомиться с полной информацией по закрытому личному каналу со станцией, около которой базировался его флот, оставшийся от группы трёх флотов, но более мощный, чем покинувшие его два вместе взятые. А затем он был выбит и из этого полноценного и привычного уже контакта в только аудиокontakt – аварийный:

– Бас, – заискивающе обратился дежурный, – со станции поступают странные сигналы. То есть наши флотские системы И-кластеров не могут получить текущую информацию по контрольным параметрам мониторинга, по нашему складированному имуществу на станции, на наших складах обеспечения для кораблей, как по расходникам, так и по запасным агрегатам для транспортов.

Адгон наконец оторвал от подушки голову, тяжёлую после вчерашних неумеренных возлияний с сослуживцами, отмечавшими вместе с ним окончание разбора государственной комиссией из начальников штабов его действий на границе с системой Сецелия. Хотя его сон был посвящён не этим мерзким бюрократам, а прекрасным глазам, и не только глазам, незнакомки, так краткосрочно уделившей ему внимание.

– Я отправлю вас драить боевые башни флагмана бритвенной пастой! Что может случиться с защищённым каналом боевой связи парковочного сектора орбитальной станции Балеса?

Выслушал лопотание дежурного офицера, что эта неразбериха не только со станцией, но и с планетарным портом.

– Э-э-э, бас, – дежурный был настолько выбит из колеи, что обращался в уважительной форме подчинения, применяемой только для высших аристократов столицы, – дежурная команда начала проверять всё час назад, и при задействовании протокола проверки всё нормализуется. Но после этого, как только пользователи включают проверенный канал в работу, сразу идёт шумовая информация в основном из развлекательных программ для нижних слоёв социума. Специалисты считают, что искусственные интеллекты станции выведены из строя, а этого можно достичь только диверсией.

Адгон уже полностью пришёл в себя, сделал несколько шагов по каюте, помассировал свои уши, поморщившись при разминании старого рубца на правой ушной раковине – память, осколочное ранение его молодости.

– Я буду в рубке!

Мус быстро оделся, при этом через ещё активный разбудивший его командорский глиип досмотрел до конца сохранившуюся перед катастрофой связи информацию, относившуюся к катастрофе и скомпонованную в глиипе. Хорошо, что он это сделал до того, как прошёл

на мостик флагмана. Среди трёх посетителей, шедших от уже исчезнувшего с парковки каботажника, он узнал ту, которая снилась ему ночью.

Адгон, взойдя на мостик, некоторое время наблюдал за суетой офицеров, переключавшихся с абстрактной хаотической ряби из цветов и звуков в голо и на дисплеях контроля сохранившегося единственного аварийного доступа на примитивную развлекуху для неграждан Балеса по другим. Сделал себе чашечку любимого тина без ароматических добавок, а потом своей властью запустил резервную дублирующую флотскую информационную сеть, спавшую в готовности именно для такого случая.

– Что за... – пискнула дежурная по связи.

На обзорном голо диагностики светились красным обозначенные узлы И-кластера станции и связанные с ними линии планетарного порта.

– Информационная система эскадры, командор? – запросил сохранявший выдержку на посту вахтенный.

Адгон Мус, отметив ажиотаж и паническое мельтешение офицеров в рубке, отдал приказ:

– Наведите порядок. Запустите протокол Омега противодействия вторжению в инфосистемы. Начинайте проверку центров и каналов информатики по станции, для этого отправьте на станцию отделение информационного противодействия под охраной Первого штурмового взвода.

Адгон Мус, выполнив требования протокола, отстранённо наблюдал за уже слаженной работой своих подчинённых, наконец-то избавившихся от паники и восстанавливавших на живую нитку сохранённые блоки на их линии от станции. Последствия в виде наказаний после событий на станции будут и по флоту.

Итог расследования был впечатляющие. Со станции был вывезен весь запас энергетических ячеек, топливных стержней, дефицитные управляющие блоки, агрегаты главных систем транспортов и блоки переработки для промышленных комплексов, не забыли и концентраты ценных пород.

Полученные с внешних сканеров прибывавших транспортов данные позволили восстановить картину отбытия тяжёлого транспорта и среднего каботажника, чьих объединённых возможностей по грузоподъёмности как раз хватало для транспортировки пропажи. «Какой в стоимостном выражении ущерб нанесён, даже не берусь подсчитать. Не ошибусь, если годовой бюджет планеты уложится в эти цифры! Но чисто для комиссии должен отправить в погоню крейсерскую звезду с корветами нападения. Уверен, что по ложному следу».

– Приказ для Мартина Джеймса: сформируйте звезду крейсеров, усильте дополнительно тремя корветами нападения из нашей эскадры для преследования каботажника и тяжёлого транспорта, идентификаторы которых приложены к протоколу приказа. Исполнение срочное, по готовности.

Адгон Мус с удовольствием настоящего офицера наблюдал незамедлительное взаимодействие, как безотказное клацанье под движением своей руки затвора старинного огнестрельного оружия из фамильного домашнего арсенала – выстраивание в ордер боевых кораблей сразу, как только им был отправлен приказ. Это привело его в хорошее настроение.

Преследование начали по расчётам из визуальных данных с полученных записей от прибывавших в то время к станции транспортов. Эмиссионные следы разгона кораблей никого не убивших похитителей стратегических ресурсов станции уже давно исчезли из пространства станции для определения анализаторами поиска флота.

«Ну почему это свалилось на меня сразу же, как только я благополучно миновал Комиссию внутреннего расследования? Видимо, стоит подумать о том, что пора менять место службы по локализации в пространстве, пусть более молодые огребают от специальных операций империи у Сецелии!» У Адгона было достаточно ума, чтобы сложить две причины и следствия.

– Командор! – раздался призыв связиста.

– Что ещё? – Адгон был не намерен погружаться в разработку происшествия, по которому составил вполне компетентное мнение. Своё мнение он ценил, тем более была возможность всё спихнуть на руководство станции, которое подставилось по полной программе.

– На связь с вами вышел председатель Избранных Парламента. Он требует немедленно связать его с вами.

Адгон спокойно развернулся к консоли внешнего контакта и включил через интерфейс изоляцию этого контакта от внешнего наблюдения остальными в рубке, затем перевёл канал на свой глиип. В виртуальной реальности глиипа уже была ожидавшая его, несомненно, напряжённая фигура встревоженного чем-то главного лица власти Балеса.

– Благородный Трир, я, как всегда, к вашим услугам! – только и успел со всем почтением изречь Адгон, как его перебили, что было высшей степенью паники для Трира.

– Замолчите. Что вы предприняли для изоляции системы планеты и задержания всех транспортных?

Адгон замер, но это была скорее внутренняя оторопь от такой чрезмерной меры даже для такого вопиюще наглого ограбления.

– Бас, у меня только один флот, составляющий эскадру. Это позволило только отправить в преследование звезду крейсеров и усилить её корветами разведки, что выше позволенного протоколом службы.

Адгон возблагодарил все великие силы, что превзошёл предписания протокола средствами усиления, ибо по уставу достаточно было на торгашей и отделения корветов.

Трир замер. Потом, приняв решение, всё-таки сказал:

– Меня не интересуют материальные ценности, похищенные торгашами. Но к ним попал... э-э... подарок... посылка для председателя Совета Коалиции.

– Сообщение от группы Лиа, главнокомандующий.

Иван посмотрел на спокойно-делового офицера центра связи. Тот обозначил символ высшей срочности и высшей секретности над диском голо. Мгновенно Иван инициировал ментальный режим полного внимания, тем самым синхронизировав свой ум с симбионтами для наращивания любого требуемого по мощности режима осмысления, и развернул виртуальные данные от глиипа. Вначале оценил ситуацию с транспортом, смоделированным под каботажника, который развернул все восемь двигателей Умова под защитой брони и напоминал в этом модуле восьми лучевую звезду. Светящиеся, выделенные зелёным треки от активности сброшенных модулей дальнего обнаружения показывали на выстроенной модели, выделяя красным цветом, что их преследовала боевая звезда крейсеров Балеса с усилением из корветов разведки. Чётко определив, показывали соотношение маршрутов погони и уходивших компаньонов с выводом: погоня отдалялась от группы Лиа по расхажившемуся треку, уходя к отдалённому сектору пространства без возможности догнать диверсионно-разведывательную группу империи с трофеями даже при её обнаружении через задействование получаемой информации из сети транспортных Балеса в секторе движения Лиа. Манёвры уклонения оказались успешными для отряда империи.

– Главнокомандующий, задание выполнено. Но у нас есть сверхбонус, и его нашёл наш стажёр.

Иван довольно усмехнулся тому, что наблюдал в виртуальном кабинете, ибо в осуществляемой стандартной головиртуальной трансляции для Миха Лиа была видна только активность идентификатора личности корреспондента и размытое объёмное изображение лица, отсылаемое императорским глиипом, а не изменявшееся в радостно-облегчённой улыбке лицо любящего отца от отключённой сейчас камеры прямой трансляции. Стажёром была единственная

дочь, которая сейчас с самым серьёзным видом стояла позади Лиа, всё-таки не могла скрыть естественное волнение и разделённое с командой торжество от сверхуспешного выполнения задачи, даже саму возможность исполнить которую вырвала в жёстком конкурсном отборе бывалых профессионалов.

– Главнокомандующий, при выполнении задачи по обеспечению ресурсами находящейся в блокаде Балеса Сецелии мы обнаружили защищённую ячейку хранения для срочной отправки в Совет Коалиции. Мы получили доступ, а ознакомление с обозначениями передаваемого позволило ознакомиться с тайным соглашением Балеса и председателя Совета Коалиции на ближайшую общую сессию звёздного сообщества.

Затем милым жестом Александра, поправив локон непослушной гривы у хрупкой стройной шеи, добавила:

– Мы определили адрес передачи подарка для Дома председателя Совета Коалиции. Сроки передачи жёсткие, но в силу особенностей сговора, охрана малочисленная, хотя и по высшему разряду.

Иван отметил, что командир специальной группы стоит каменным памятником древнему герою и ни единым жестом старается не выдать своего желания.

– Полковник Лиа, вам придётся яхта из моего резерва, она как раз была направлена к планете содружества и находится ближе всего к точке randevу Балеса с Домом Гибира. А сверхбонус отправьте курьером на нашу дипломатически внутерриториальную орбитальную платформу у Тау Дракона, там его будут ждать. Все необходимые приказы сейчас будут отданы. Оформите первым биржевым контрактом разворачиваемой торговой станции в Солнечной системе.

Иван, расслабившись в кресле, отстранённо наблюдал в VR выкладываемые мозаикой сегментов параллельные процессы, как глиип распределил, а его симбионт обеспечил картину изменившейся политической реальности в Коалиции.

И в это мгновение появился Зая, вначале подобием чеширской улыбки пресловутого кота тепловым воздействием у его шеи, а затем уже тяжестью всего тела, с разочарованным видом, что не удивил, лёг, устраиваясь на коленях. На этом сеанс контакта закончился. Иван по внезапной улыбке Александры, совпавшей с теплом у шеи, отметил, что та засекла легчайшее информационное возмущение в глиипе императорского сообщения и безошибочно определила присутствие Заи – существа, развившегося из сиамского кота, который был напарником всех её детских игр и шалостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.